

Больше всего Кондакова поразил телевизор. Огромная панель висела над диваном и показывала программу передач. Второй экран примостился рядом и служил собственно телевизором.

«Тут железа тысяч на двадцать», — подумал Кондаков в американских долларах. Ценники в иностранной валюте уже запретили, но еще дозволялось считать в ней про себя.

Приемную украшала мебель кого-то из Людовиков, темнели на стене респектабельные картины, интерьер песочил глаз позолотой. Но электрик Кондаков понимал лишь в технике, да немного в изящном.

— Нравится? — услышал гость и вздрогнул.

Звук шел от строгого портрета. Приглядевшись, Кондаков обнаружил в дверях мужчину с дамским лицом.

— Класс, — восхитился Кондаков.

— Не лучшие работы Рембрандта, — посетовал мужчина и представился, — Модест Эрастович.

— Главный по персоналу? — уточнил Кондаков.

— Ну что вы, — отмахнулся ладошками собеседник, — Главный у нас один. Я за кадры отвечаю. А вы наш новый электрик?

— Вроде как, — ответил Кондаков неуверенно.

— Что значит вроде? — шутливо возмутился Модест Эрастович. — Мы полгода бумаги оформляли, формальности улаживали, служба безопасности ночами не спала.

— Из-за меня? — удивился Кондаков.

— Да нет, — подтаял в улыбке кадровик. — Им по штату спать не положено. Впрочем, идемте, все покажу. Начнем с бальной залы.

Двери отворились, и Кондаков последовал за провожатым. Тот же блеск, картины, ковры. В красном углу — портрет главного, ниже — особы приближенные, и лишь под ними — скромное изображение хозяина усадьбы.

Профессиональным взглядом Кондаков подмечал тонко упрятанную начинку — встроенные динамики, панели, термостаты, камеры наблюдения и снова мониторы в половину стены. На этот раз он рассмотрел бренд и восхищенно выругался.

— Ругаться запрещено, — напомнил провожатый. — Вы же сдавали тест по внутреннему распорядку. Все помните? Главное — молчать в оба и чужого не брать.

С этими словами провожатый распахнул двери в третий зал, и Кондаков остолбенел. После года подготовки, тестов, бесед электрик полагал, что знает о доме уже все. Но, пораженный, замер в дверях буквально с раскрытым ртом.

Перед ним стояла женщина, каких не бывает. Кондаков видел много красавиц по телевизору, на глянцевых постерах или в специальных журналах для любителей изящного.

Но разве самый совершенный экран может передать трогательное сияние на просвет ушной раковины, щекотный вид пушка на шее, мягкий прогиб кожи от невесомой бретели, физическое ощущение жара из-под поднятой руки, силовое поле вокруг выгнутых радаром бедер, текучесть открытой спины, игру натянутого платья на переливчатом ландшафте ягодич, перекаты мышц на ногах — сильных и податливых одновременно.

— ...чужого не брать, — расслышал сквозь морок вожделия Кондаков завершение фразы Модеста Эрастовича. — Повторяю. Не брать. Но потрогать иногда можно.

С этими словами, кадровик подошел к даме и, приобняв ее за талию, промял ухом безупречность груди. Женщина отвлеклась от беседы по телефону и, улыбувшись, почесала ноготком складчатый загривок Модеста Эрастовича.

— Мур, — громко заявил кадровик и, отпружинив от бюста, представил Кондакова, — Наш новый сотрудник. Департамент технического обслуживания. Удостоверение двенадцать двадцать.

— Здравствуйте, двенадцать двадцать, — проговорила дама холодно и продолжила беседу по телефону.

Модест Эрастович потянул электрика за рукав.

— Тоже кандидат наук, но с чужими осмотрительна, — успокаивал кадровик. — Подружитесь, когда станете одним из нас.

Перспектива подобной дружбы придала новой работе Кондакова особое очарование.

«И ведь это счастье вдобавок к шестизначной зарплате, — думал электрик уже в рублях, — плюс путевки, плюс страховка, плюс, плюс, плюс...» Слагаемых набиралось так много, что к концу формулы Кондаков совсем запутался и мысленно подставил после знака равно эквивалент величины «очень много» в виль-

гарной лексической форме, даром что был интеллигент по рождению и кандидат наук по диплому.

От приятных вычислений Кондакова отвлекла музыка. Мелодия полилась из динамиков звоном колокольчиков и усилиями струнных взлетела вверх.

«Рахманинов, «Колокола», — опознал Кондаков и чуть не рухнул от чувствительного толчка кадровика.

— Три шага назад, остановитесь, смотрите вниз, — коротко распорядился Модест Эрастович и застыл рядом с Кондаковым у стены, опустив очи долу и сделавшись еще меньше ростом.

Неземная дама суетливо завершила беседу, перебежала к стене и замерла с опущенной головой.

Мелодия насыщалась тревогой — и в самый напряженный момент двери распахнулись. Кондаков не решился поднять головы; заведенными под лоб глазами он видел лишь две пары ботинок да обрезы черных штанов. Ботинки цвета бургунди перемещались строго посередине зала, не меняя ритма, с пятки на носок, а черные блестящие туфли выплясывали вокруг них, выгибались на мысы, прыгивали и суетились.

Туфли пропали за следующим порогом, но предусмотрительный кадровик показал Кондакову восклицательный палец.

— Еще две фразы стоим.

Мелодия пошла на спад — и по громкости и по волнению инструментов. Двери в зал затворились.

— Все верно, — похвалил электрика сопровождающий, — Правила помните. Хотя кланяться было совсем не обязательно. Инструкции предписывают лишь смотреть вниз.

— Я не кланялся, — возмутился Кондаков.

— Чуть не в пол, — улыбнулся Модест Эрастович. — Но вы не смущайтесь, почти все так вначале. А после научитесь половчей. Без беспокойства для хозяина, но и без холопства.

Прошли еще несколько залов — кальянную, малую столовую, парадный кабинет, — и везде Кондаков отмечал для себя расположение приборов, вспоминал схему разводки. Помещения пустовали. Лишь в кабинете неуловимо схожий с Модестом Эрастовичем плотник возился с ящиком письменного стола. В столовой две горничные оттирали щетками плитгусы. Белые фартуки, коричневые платья, подковы чепцов. При приближении кадровика они вскочили с колен и приветствовали руководителя странной смесью поклона и книксена.

— Я же просил без официоза, — развел ладошками Модест Эрастович, но по его лицу растеклась улыбка удовольствия, и он обрел свой прежний рост, как бы, наконец, разогнувшись.

«Красавицы!» — поразился про себя Кондаков.

В людской управляющий подошел к уставленному серебряными куполами столу и, приподняв один из них, предложил Кондакову угощаться. На золотом в светлую клетку подносе стояли многоэтажные канапе, исполненные в виде шахматных фигур. «Гамбит Каспарова», — определил Кондаков и, схватив за верхнюю маслинку, сожрал черную пешку. Затем еще одну. «Неужели бывает так вкусно!» — с восторгом подумал он и уравнил количество пешек с обеих сторон. Вспомнил про кадровика и вежливо предложил:

— А вы?

— Я, знаете ли, на диете, — огорченно вздохнул Модест Эрстович, — Как поступил сюда, так разжирел невероятно. Еда в количестве «ешь — не хочу». Хорошо хоть спиртное запрещено, на один соблазн меньше.

Кондаков подъял пешек, но схватить фигуру покрупнее не решился. Представлял себе, как все должно быть вкусно, но опасался, что королева, усыпанная черной икрой, ему не по чину.

— Приближаемся к гостевым опочивальням, — предупредил Кондакова кадровик. — За ними женские покои. Свои входят без церемоний, зрелище порой неприятное, но вы уж простите, и в дамских будуарах проводка.

Ничего особенно неприятного для себя в продолжении экскурсии Кондаков не обнаружил. Даже скорее наоборот, много изящного открылось его взору.

Входили действительно без стука, и если в первых комнатах электрик смущенно отводил глаза и даже пытался деликатным кашлем предупредить о своем присутствии, то после привык. Дамы на его покашливания не реагировали и, несколько новичка не смущались.

«Да за такую работу я еще сам должен доплачивать!» — с восторгом думал Кондаков, рассматривая юных девиц и вполне уже дам, одну обворожительней другой, грациозных, воздушных, тонких. Совершенных во всем.

В молодости Кондаков был избалован женской красотой, тогда еще привычной в метро, на улицах, в студенческих кафе. С исходом столетия картины женского совершенства стали как-то пропадать из общественного пользования, в конце концов сделались раритетом, и взрослеющий Кондаков, растрясая завтрак в тесном вагоне метро, не раз размышлял, куда же подевались все российские красавицы, в какую потайную дверцу бежали из его подземного мира.

Теперь Кондаков нашел волшебную дверцу и даже умудрился протиснуться в нее.

— Хорошо тут у вас, — произнес электрик восхищенно.

— На хозяйском этаже много лучше, — заверил Модест Эрстович. — Туда допустят, лишь когда завершим формальности.

— Еще формальности? — удивился Кондаков.

— Да пустяки, — ответил специалист по кадрам. — Медицинское освидетельствование, анкетирование и приведение всех форм, так сказать, в соответствие с местным законодательством.

Медицинская часть располагалась в соседнем флигеле, в глубине двора, сразу за семейной церковью. Их встретил немолодой врач, грузный, с печальными глазами.

— Раздевайтесь, — равнодушно приказал доктор. — Ложитесь на стол.

«Что они тут все, братья что ли? — подумал Кондаков, глядя на округлое вялое лицо эскулапа. — Или кадровик только родственников набирает на работу? Значит, мне вдвойне повезло».

Аккуратно повесил вещи на плечики, принесенные медсестрой. Тоже, конечно, с внешностью модели. Иное увидеть в этих стенах Кондаков уже не ожидал. Другая супермодель проводила его в комнату осмотра, помогла улечься, абсолютно безболезненно ввела катетер в вену. Перед глазами электрика поплыли цветные круги.

— Ну, как наш новообращенный? — услышал Кондаков бодрый голос доктора, когда сознание вернулось.

— Все нормально, — ответила медсестра. — Пульс, давление, кровь в норме. Через недельку-другую сможет приступить к работе.

— Молодцом, — похвалил доктор Кондакова.

— Что со мной? — слабым еще голосом спросил электрик.

— Уже ничего, — ободрил доктор.

Ощущение тела возвращалось постепенно. Лицо. Шея. Плечи. Живот.

Кондакова вдруг выморозил парализующий ужас, затем смертельная тоска безысходности свела затылок, но все не мог он осознать причину отчаяния. Боясь поверить в нехорошее предчувствие, засунул руку под одеяло. Нащупал бинты.

— Успокоительное, — скомандовала бдительная медсестра, и Кондаков опять погрузился в сон.

Через три дня и девять доз транквилизатора Кондаков уже мог говорить о случившемся.

— Чего вы так разволновались? — убеждал Модест Эрастович, поглаживая руку больного. — Ведь взрослый человек, дети выросли. Всему свое время.

— Вы... — заорал Кондаков.

— Постарайтесь не волноваться. При повышении пульса снотворное подается автоматически, — проговорил Модест Эрастович и продолжил уже на следующий день, после пробуждения Кондакова, — Я же бумаги подписывать не заставлял. Ваш выбор.

— Я не подписывал, — горячо шептал Кондаков, с опаской скасывая глаза на монитор.

— Подписали, — заверил кадровик. — Хотя могу допустить, что не все внимательно прочли.

— Контракт — сорок страниц, — оправдывался выздоравливающий.

И тут же вспомнил про странные параграфы. Но ведь типовой договор. Если все соглашаются, то чего он будет выступать? Кто о подобной дикости вообще мог подумать всерьез?

— Да и рассудите здраво, — продолжал увещевать кадровик. — Вы не молоды. Отчего такой трагизм? Из-за пары спаррингов в месяц?

— Что жена скажет? — стонал Кондаков.

— Она мужественная женщина, — заверил Эраст Модестович. — Согласилась без колебаний. Вот ее подпись. Приложены страховка для всей семьи, договор на бесплатные места в вузе, еще много чего по мелочам. Полегчало? Ну и молодцом, завтра начнете вставать.

Через неделю электрик Кондаков в фирменном комбинезоне и с дорогой отверткой наперевес разобрал розетку в людской.

— Как проходит вахта? — поинтересовался бесшумно появившийся Эраст Модестович.

— Работаю, — доложил Кондаков.

— Перекусим? — Кадровик приподнял серебряную крышку.

— Перекусим, — апатично согласился электрик и потянулся к слону.

— Аккуратнее, — предостерег Эраст Модестович.

— Что, нельзя? — Кондаков отдернул руку.

— Да нет, теперь все можно, — ответил кадровик. — Но не рекомендую. Лишний вес, одышка, сердце — сами знаете.

— Этого не рекомендуется, другое запрещено, третье сам не могу, — горько заключил электрик.

Эраст Модестович, словно опытный наперсточник закрыл шахматы-канapé, приподнял купол над горкой красной икры, потом, жонглируя крышками, продемонстрировал электрику королевское изобилие закуского стола.

— С неудобствами, но в достатке, — прокомментировал Эраст Модестович свое шоу. — А насчет «не могу», даже повезло, мы с вами своего рода пионеры нового движения.

— В смысле? — Электрик застыл со стаканом обезжиренного кефира в руке.

— Хозяин рассказывал, что опыт решили перенять на уровне района. Потом области. Может, до масштабов всей страны дело дойдет. Но только прислугу, чтобы в доме порядок и чужого не брать. И бедных, конечно. Как в Индии. Зачем нищету плодить?

— Кто же согласится? — усомнился Кондаков.

— Мы же подписались, — резонно возразил Эраст Модестович. — А интеллигенция — это передовой отряд. Так чего с остальными церемониться?

— Народ на улицы выйдет, — возразил Кондаков.

— Те, кто могли ходить, давно сидят, — изящным каламбуром присоединился к беседе доктор.

— Цинично даже для врача, — заметил электрик.

— Мне можно, — возразил эскулап и пояснил, — Сынишка мой, Павлушенька, представьте, вздумал болтать, что наш хозяин прислугу мужеска пола принудительно... того-с.

Доктор изобразил двумя пальцами ножницы.

— Наркотики — зло, — покачал головой руководитель кадров.

— Отсидит — поумнеет, в чужие дела лезть прекратит, — заученно повторил врач.

— Учись патриотизму, электрик. — Кадровик одобрительно похлопал доктора по плечу. — Мудрость, она в смирении, а не в оттяпанных колокольцах. Давай по стакану за победу нашей гвардии.

Кадровик схватил с подноса обезжиренный кефир и, церемонно чокнувшись с носом остолбеневшего электрика, выпил. Со стуком поставил посуду. Отер тыльной стороной ладони вспенившуюся жидкость с губ.